ЗЯМИЛЬ ИБРАГИМОВИЧ ГИЛЬМАНОВ:

З. И. Гильманов. Курсант 2-го Орджоникидзенского военно-пехотного училища. 1943 г.

ВОЕННЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Замиль Ибрагимович Гильманов был мобилизован в ряды Советской Армии восемнадцатилет-ним юношей в феврале 1943 г. Он учился во втором Орджоникидзенском военно-пехотном училище минометному делу. Окончив училище в декабре 1944 г., был направлен в резерв, а потом в действующие части 4-го Украинского фронта. З. И. Гильманов участвовал в боевых действиях в качестве командира стрелковой роты, а затем старшего офицера батареи. Был участником победоносных сражений на территории Польши, Чехословакии и Германии.

После окончания боевых действий его часть была направлена на восток в состав войск 2-го Дальневосточного фронта. За время войны З. И. Гильманов был награжден орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией», стал почетным гражданином г. Вратимов.

После войны он продолжил службу в армии на Дальнем Севере — в п. Анадырь и в Бухте Провидения — до 1947 г. Во время службы З. И. Гильманов вел дневник. Перелистаем его страницы, чтобы увидеть войну глазами молодого лейтенанта.

…Моя Родина, моя родная земля, мое отечество — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе.[1]
А. Н. Толстой

Записи начинаются с июля 1944 г. Молодой офицер возвращается из небольшо-

го отпуска домой на службу. Отучившись во 2-м Орджоникидзенском военно-пехотном училище в г. Дзауджикау (Владикавказ), он с февраля по декабрь 1944 г. преподает здесь же минометное дело. Его с товарищами держат в резерве, что их, рвущихся на фронт, угнетает. Накопившаяся энергия растрачивается на преподавание и занятие гимнастикой[2].

В этот период в своем дневнике он цитирует известные слова Н. А. Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему только один раз, и ее надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы… чтобы умирая смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества»[3].

Высокие порывы, повседневные будни училища и самообразование — из этого складывается его жизнь. Вот день, похожий на другие: «1 июля. С утра я на занятиях. Сегодня написал письма Марии, родителям… После обеда ходили в Шолхи купаться… Ходили я, Митя, Борис и Михаил. Вернулись в 5 часов»[4]; «в последние дни я смотрел “Белеет парус одинокий”, “Антон Иванович сердится”. Прочитал III том Ленина, повесть Л. Толстого “Казаки”»[5].

В это время у З. И. Гильманова появляются настоящие друзья. Они много общаются, с ними он постигает военное ремесло. Среди друзей наиболее близкими были: Дмитрий Азов, Михаил Хитренко, Федор Сарычев. С Дмитрием Азовым, в будущем военным журналистом, полковником, редактором журнала «Советский воин», он сохранит дружбу на всю жизнь.

В дневнике много строк о дружбе: «Переживания, трудности, лишения фронтовой жизни сближают людей, и они становятся близкими друзьями… И только того можно считать другом, которому можно доверить все: сердце, душу и жизнь. Друг — это второе я»[6]. Отдельные слова посвящены Дмитрию Азову. Именно его он будет считать на фронте своим отцом, братом, другом и воспитателем.

Зямиль и Дмитрий настаивают на своем желании скорее оказаться на фронте и послужить Родине. В итоге они вместе добиваются разрешения отправиться в действующую армию.

О ночи 28 декабря 1944 г., когда они узнали, что наконец уезжают, Зямиль напишет: «Навсегда останется в моей памяти эта лучшая ночь»[7].

Друзья оставят в дневнике Зямиля напутственные и прощальные строки. Михаил Хитренко: «Женя! Пишу эти строки в последние часы нашего совместного пребывания в Дзауджикау. Какие тяжелые минуты расставания. Сколько вместе, словно братья, пережили, сколько месяцев волнующей жизни, работы, борьбы за справедливость, и вдруг такое тяжелое расставание. Как бы я хотел, что бы только я не отдал, чтобы быть с вами вместе до конца»[8].

Дмитрий Азов: «Женя! Через несколько дней мы уедем отсюда, через несколько дней — большой праздник для нас… Кто знает, может быть, вместе не придется сражаться в боях… Но я сейчас вижу тебя уже в бою, в грозном, жарком бою…

Где бы мы ни были, в каких угодно уголках земли, наша дружба будет жить всегда, наши мысли будут одни, так, как сейчас: мое горе — твое горе, моя радость — твоя радость»[9].

4 января 1945 г. Зямиль и Дмитрий прибывают в украинский город Белая Церковь в 59 офицерский полк резервного офицерского состава. До фронта — недалеко.

Война напоминает о себе разрушенными и полуразрушенными городами, которые они минуют по пути в действующую часть.

В Самборе бандеровцы взорвали дрезину идущего впереди эшелона. Около Тарнова через несколько секунд после остановки солдаты услышали сильный взрыв. Один боец из их эшелона наскочил на мину и остался без правой ступни. Оказалось, откосы железнодорожного полотна и прилегающая местность были заминированы немцами. «Мы ходили и обнаруживали мины, заминированные места, спирали Бруно. Над землей, между прошлогодней травой, то и дело можно увидеть тонкую металлическую проволоку, идущую от мины натяжного действия»[10].

13 апреля они отправляются в 70-ю Печенеговскую стрелковую бригаду. «Кру-

гом грохочет артиллерия. Взрывы — совсем близки от нас. Вот и фронт»[11]. До передовой остается три километра.

Зямиль попадает в самую гущу военных действий. Он назначен командиром роты. Свой первый день на фронте он описывает так: «После обеда пошли со связным в штаб батальона. Вот мы уже под носом у немцев. Когда начали проходить открытый участок, нас заметил снайпер. Первая пуля просвистела над головой, а вторая — в одном метре от меня, еще три впереди и выше. Пришлось лечь… потом… бегом. Прибыли в штаб батальона. Ночью со связным я ушел на самую переднюю линию, где располагается рота. То и дело небо освещается… разрывами снарядов и осветительными ракетами… Ребята меня приняли хорошо… Знакомились с местностью, с ротой. Противник занимает командные высоты. Все наше расположение им просматривается. Организация роты плохая, отделений нет. Восстановил организм роты… (село Кильце). Польша»[12].

Зямиль на своем опыте увидел, как много требуется от общевойскового командира. «Все, почти все: работа минометов, артиллерии, саперов, связистов, — все, все зависит от него. Я чувствую, как много значит практика. Война действительно самая высшая академия для командира»[13].

Учиться приходилось самому, учить приходилось других. Уроки бывали неординарные и жесткие…

В подразделении Гильманова было трое солдат-молдован, которые то ли не умели, то ли не хотели служить. Они нарушали дисциплину и даже засыпали в карауле. Зямиль решился на отчаянный шаг: во время очередного «спящего» караула он покинул окопы и организовал «штурм» своих же позиций. Он шел во весь рост и стрелял из пистолета. После такой выучки ни один из бойцов не подводил взводного. Но этот урок мог плохо кончиться для Зямиля: в пылу отражения «атаки противника» очнувшемуся от сна некогда было разбирать, где свои, а где — чужие.

Автор дневника скуп на подробности. Для условий боевых действий предосторожность понятная. Они и так никогда не забудутся, пишет он.

Первое наступление наших войск в марте 1945 г. в направлении Моравска-Остравы, в котором участвовал Зямиль, было неудачным. Оказалось, о наступлении стало

З. И. Гильманов в рабочем кабинете ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 1980 г.

известно фашистам. Потери были огромные. Бригаду, в которой воевал Гильманов, после наступления отправили на переформирование. Сам он уцелел чудом.

За другой бой недавний выпускник училища был награжден орденом Красной Звезды. Он принял батарею в отбитом у врага маленьком городке, а через час противник пошел в контратаку, которая была отбита. Дневниковые записи ничего больше не сообщают. Спустя годы их дополнит своими воспоминаниями Д. Азов. И тогда картина боя предстанет в других красках. З. И. Гильманов годился своим подчиненным в сыновья, но по должности был старшим офицером, их командиром. «Неторопливо, деловито подавал команды. Голос его звучал уверенно. Мины летели в цель»[14]. Но командир дивизиона радировал сменить позицию, прорваться в город. Необходимо было преодолеть открытый участок, который был как на ладони и обстреливался врагом. «Молодой офицер принимает решение. С первым расчетом стремительно мчится по полю. За ним — вся батарея. Через несколько минут она уже стояла на новой огневой позиции, и вновь уверенно и четко раздавались команды старшего»[15].

Красная Армия продолжает свое движение по Европе: Моравска-Острава, Вратимов, Фриштат. Бои продолжаются. Автор вспоминает тяжелую схватку за южную часть одного из чешских сел: «Шоссейная дорога с обеих сторон усеяна трупами лошадей и разбитыми повозками. Еще лежат трупы, которые немцы не успели подобрать. Лужи дождевой воды окровавлены, а может быть, эта лужа вся только и кровь»[16].

8 мая взяли последний пункт — Оломоуц. Немец бежит. Кругом валяются каски, винтовки, автоматы, ящики с патронами, стоят подорванные орудия, танки противника.

Дороги войны были тяжелы и суровы. Они оставили в тех, кто шел ими, свой неизгладимый след. Некоторое время спустя З. Гильманов и его товарищи — Дмитрий, Андрей, Виктор собрались вместе. Это были во многом другие люди. «Все мы похудели. Ребята стали серьезней… сколько пережили, увидели, сделали, и каждому есть о чем говорить, каждый не раз стоял на мушке»[17].

Сильно переменился Дмитрий Азов. А после боя его трудно было узнать: «Кожа лица стала белая-белая, даже немного пепельного цвета. Глаза, и так абсолютно серьезные, стали беспощадными, злыми. Когда говорил он о том, как находился около немцев и убил одного, несколько раз с отвращением плюнул»[18].

Жестокость ремесла войны, однако, не забывалась долго. И 44 года спустя Зямиль Ибрагимович, уже человек сугубо мирной профессии, так и не смог забыть убитого им немецкого солдата: «Не могу забыть глаза его, так близко их увидел. И выстрелил. Не по мишени, не в общей атаке, когда не видишь лиц, не различаешь их, а вот так, один на один, когда между нами было всего несколько шагов»[19].

Отдельные строки дневника рассказывают о том, как он и его товарищи узнали о прекращении военных действий, о безоговорочной капитуляции Германии, как у бойцов на глаза наворачивались слезы от «великой радости». «…Радость нашей Победы. Как-то и не верится. Окружающая нас тишина, кажется, как всегда затаившая опасность; и ожидаешь, вот-вот начнут рваться… мины, снаряды, застрочит пулемет…»[20].

Неделю-другую спустя начался переход на мирные условия жизни. Оказалось, не так все просто: «Бойцы трудно привыкают к новой обстановке, хотя требования не выше, чем были они до войны»[21]. Сами люди уже не те, что были раньше, и первое письмо за последние четыре месяца от невесты Зямиля кажется товарищам чем-то невероятным.

6 июня их часть отправляется домой, на Родину. Зямиль записывает эмоциональные строки: «Едем в Россию — на Родину — туда, за что бьется солдатское сердце, туда, где я родился, научился ходить и говорить, туда, где мои родители дорогие, туда, где я познал радость любви и веры к той Великой стране, чьи доблестные сыны и дочери спасли весь мир! Действительно счастлив тот, у кого сердце бьется за Родину!»[22].

Глубокие впечатления по пути домой оставила встреча-расставание с чехами. Шел сильный дождь. Но в каждой деревушке их ждали чешские девушки, забрасывали цветами. «Каждый мальчик и девочка хотят, чтобы мы им пожали руки… Нельзя передать словами, насколько радуется этот народ, наши братья-славяне, [на]сколько благодарны они нам»[24]. Старики со слезами на глазах говорили: «Пришли они — наши освободители, мы их семь лет ждали, семь лет в тюрьме томились, спасибо им!»[25].

В одном из домов чех играл на скрипке им, освободителям, песню о Степане Разине. Пели все чехи — мужчины и женщины, дети и старики, — «а я особенно восхищался тем, что они — чехи — исполняют русскую песню»[26].

Лейтенант Гильманов записал еще один случай. У одного чешского поселка молодого солдата окружила местная детвора. «Маленькая девочка Анечка (6 лет) [с] худыми желтыми руками, большими серыми глазами, прижалась к моим ногам» и попросила у меня чешские кроны. «Я пригнулся к ней и спрашиваю: “А зачем тебе деньги?”». Дети стояли и, не сводя глаз с лейтенанта и маленькой девочки, слушали. Она стесняясь ответила: «На хлеб». «Я вынул пачку чешских денег и дал ей 20 крон. В тот же миг все окружающие протянули руки. Раздал все деньги, и дети стали со мной разговаривать как с давно знакомым товарищем. Рассказали все о своей жизни»[27].

Через тридцать лет состоится еще одна встреча с чехами. Бывшие чешские партизаны разыскали бывшего лейтенанта и наградили званием почетного гражданина г. Вратимов. Об освобождении этого города Зямиль Ибрагимович рассказывал немного. В приказе Главнокомандующего отмечается, что батарея Гильманова быстро и умело ликвидировала вражеские укрепления на подступах к мосту, в результате чего пехота ворвалась в город и овладела им. Гильманов был награжден боевым орденом. Много благодарственных писем получит потом Зямиль Ибрагимович от граждан г. Вратимов.

Наступает 22 июня 1945 г. Память возвращает всех к началу войны. Но хочется думать о том, что ждет их впереди. В доро-

З. И. Гильманов. 1990 г.

ге Гильманова настигает письмо отца, которое сообщает, что на родине, получив от него весточку, «устроили вечер в честь Победы и от радости, что Зямиль остался живой»[28].

На последней странице дневника Зямиль Ибрагимович записал следующие строки: «Как хорошо вспоминать все прошлое. А тогда я не умел говорить на русском языке… Постараюсь свою судьбу взять в свои руки и направить ее так, как хочу я…

Я оканчивал среднюю школу до Отечественной войны и хотел стать математиком. Но началась война, и мне пришлось стать не мирным школьным математиком, а математиком войны — артиллеристом.

Во время войны у меня с каждым днем росла жажда к изучению истории нашей великой и могучей Родины, истории всего человечества, чтобы познать движущие силы истории, законы исторического развития, до конца понять суть кровопролитных войн…

На историко-филологический факультет [Казанского университета] пришел я не

один, со мной пришли многие фронтовики… Я чувствовал, что нашел то, чего искал, нашел свое место»[29].

Так заканчивается дневник, и начинается трудный и интересный путь ученого.

З. И. Гильманов станет доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем культуры РФ, почти четверть века будет возглавлять сектор истории Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова. Под его руководством и при непосредственном участии отдел подготовил такие труды, как: «История Татарской АССР» (1968), «История Казани» в двух томах (1988, 1991), «Рабочий класс Татарии» (1981), «Очерки истории Татарской партийной организации Татарии» (1973), «Борцы за счастье народное» (1967), «Летопись борьбы и свершений» в двух томах и др. Он стремился вывести исследования по истории Татарстана за рамки краеведения, поднять их на уровень национальной истории.

Сам З. И. Гильманов — автор двух фундаментальных работ «Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941-1945» (1977) и «Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны» (1981). Прежде всего этими работами он прочно и навсегда вошел в историю исторической науки, в историографию Татарстана[29].

Знавший о войне не понаслышке, он хотел чтобы война на нем закончилась. «А внуки бы знали о ней только по рассказам. Слишком это жестокое для всех испытание…»[30].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дневник З. И. Гильманова. Из личного архива автора.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Азов Д. Товарищ лейтенант // Красный воин. – 1969. – 24 октября.
15. Там же.
16. Дневник З. И. Гильманова. Из личного архива автора.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Памяти Зямиля Гильманова. – Казань, 2000. – С. 38-41.
30. Викторова Е. И. Чтобы война закончилась на мне… // Наука. – 1989. – 8 мая.

Фото из личного архива автора.

Диана Шишкина